



Записки проезжего

Автомобиль выходит из Москвы. Путь машины лежит на Юг. Возникает мысль писать о виденном на пути.

Дорога, движение входят в наш быт, но черты дорожного быта известны нам лишь по командировкам и всякого рода торжественным событиям — какому-нибудь пробегу, специальному пешему походу или программной экскурсии. А как себя чувствуют в дороге люди, не обременённые командировками, не стеснённые никакими мандатами? Этого мы не знаем.

Мы мало к тому же знаем свои периферийные города и вспоминаем о них лишь в тех случаях, когда там что-либо произошло. Между тем города существуют, живут и — при сравнении одного с другим — дают очень яркие впечатления о быте советского человека.

Самый короткий грунтовый путь на Юг из Москвы — через Серпухов, Тулу на Курск, Харьков, Днепрпетровск. За Серпуховом всё ещё считаешь себя в Москве. Великолепное шоссе обманывает: кажется, ещё не покидал окрестностей столицы. Широкое, ровное, щегольски ладное, оно впадает — и как-то сразу, без подготовки — в удивительно грязный и неустроенный город Тулу.

Тут сразу вспоминаешь, что ты не в Москве и даже не в Серпухове. Тула выглядит непривлекательно. Очереди у магазинов, грязь на улицах, духота в столовых. Представим проезжего, возымевшего мысль осмотреть старинный русский город, родину славных оружейников и кустарей, город, вблизи которого жил великий русский писатель Лев Толстой.

Проезжий предполагал ознакомиться с местными музеями и, отдохнув в гостинице, отправиться дальше. На деле у проезжего одна реально осуществимая возможность: отправиться дальше. Ибо, во-первых, ему нечего смотреть в Туле (интереснейший музей русского древнего оружия при заводе трудно доступен, а к Ясной Поляне Тула имеет малое отношение), а, во-вторых, если он и ухитрится пообедать в тульских столовках, то уж переночевать в гостинице ни за что не сумеет. Нужно обладать солидным мандатом и ошеломляющим красноречием для убеждения дежурных в гостиницах, что койку (о комнате и речи нет!) можно поставить в коридоре и что проезжий, в конце концов, не будет обижен, если переспит и на полу.

Человек, никуда не командированный, есть существо, не заслуживающее внимания. И он решает по-своему: сбегаю, мол, в музей, вечером погляжу спектакль гастролирующей здесь Куйбышевской музыкальной комедии, а ночью, — бог с ней уж, с Тулой, — ночью поеду дальше.

И он направляется в музей, однако ненадолго. Он остаётся там минут пять или восемь, то есть ровно столько, сколько необходимо для того, чтобы убедиться, что в музее нет ничего интересного. Ну, конечно, — чучела волков, попорченный молью медведь, птицы, рыбы и диаграммы. В отделе истории — позорная ерунда: десятка два плохих фотографий, копии с исторических картин, макет старой Тулы с теперь уж несохранившимся Кремлём. Всё. И это — в одном из старейших русских городов, славном своей историей. Местные патриоты, когда их спрашиваешь о причинах столь убогого состояния их тульского музея, отвечают, разводя руками:

— Мы, знаете, стали областью совсем ведь недавно! Не успели ещё.

Какое счастье, думает тут проезжий, что есть у нас города, по-настоящему любящие свою историю, своё прошлое, свою землю.

И поневоле вспомнит он уютную чистоту маленького городка Ярославской области — Переславля-Залесского и его музей, огромный, увлекательный, полный редких, любовно собранных вещей старины и современности, и его тенистые улицы, и опрятные магазины.

Там можно второго мая ежегодно быть участником народного праздника, который издавна устраивается музеем для своих сограждан, и видеть поистине необычайное — как весь город валом валит в свой родной музей, обстоятельно обходит его вместительные залы и потом располагается на громадном музейном дворе для танцев и песен. Бывший рабочий, ставший историком и директором музея, увлекающийся и весёлый человек, делает в своём музее удивительно живое, современное дело, сидя почти без денег, ибо районный музей — дело подвижническое, его можно делать только из любви.

...Ну, в общем, поход в Тульский музей не занял времени проезжего (он хотел было познакомиться с отделом «Толстой и Тула», но такой отдел оказался закрытым), и проезжий, кое-как отдохнув, направляется в парк культуры и отдыха, где Куйбышевский театр музыкальной комедии показывает в тот день «Весёлую вдову».

Парк чудесен, хорошо организован, в нём уютно. Но за гастролирующим театром, по-видимому, никто не следит. Во-первых, дорого: от 4 рублей до 12-ти. Во-вторых, плохо. Проезжий не думал, конечно, встретить здесь мировые голоса, но всё-таки хоть кое-как люди обязаны петь и играть. Вместо пения они балаганят, кокетничают в коротких фраках и говорят пошлости, кои неизвестно к кому отнести — к автору ли текста В. Шершеневичу, к постановщику ли, к актёрам ли. «Пьян как фортепьян» — образец острот в тексте, написанном на прекрасную музыку.

— Если бы руководители тульских организаций больше интересовались бытом своего города, то, наверно, давно бы устранили многие из явных недостатков, — так подумал проезжий, сел в машину и простился с Тулой.

В машине он начал было думать о том, ходит ли когда-нибудь по улицам Тулы председатель городского совета, бывает ли он в музеях и в театре, обедает ли в общедоступном ресторане, стоит ли в очередях, но пришёл к мысли, что подобные размышления нехороши в долгой дороге.

Он свернул из Тулы на Богородицк — впереди лежали истоки Дона, Непрядвы, Красивой Мечи, впереди лежало Куликово Поле, и хотелось думать о том, что впереди.